

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КОМПАРАТИВИСТИКА

<https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-17-23>

<https://elibrary.ru/PESQOI>

УДК 82.0

Научная статья / Research Article



This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

К ПРОБЛЕМЕ ТЕОРИИ ФАНТАСТИЧЕСКОГО

© 2024 г. А.Л. Гумерова, В.С. Сергеева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация: При изучении фантастической литературы неизбежно встают терминологические проблемы и проблемы границ, возникающих не только между разными жанрами фантастической литературы, но и в первую очередь между реалистической и фантастической литературой, а зачастую между реалистическим и фантастическим внутри произведения, и проблема проявления этих границ в поэтике произведения. Терминологические проблемы возникают в том числе благодаря стремительному развитию жанра; в частности, отдельную проблему представляет собой кажущийся привычным термин «фэнтези». Имеет смысл, говоря о фантастической литературе, говорить о роли читателя — имплицитного читателя, если пользоваться термином Тодорова — и о специфике формирования вторичной реальности.

Ключевые слова: фантастическое, реализм, жанр, фэнтези, читатель.

Информация об авторах:

Анна Леонидовна Гумерова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Россий-

ской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9795-0974>

E-mail: gratia4@yandex.ru

Валентина Сергеевна Сергеева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru.

Для цитирования: Гумерова А.Л., Сергеева В.С. К проблеме теории фантастического // Codex manuscriptus. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 4. С. 17–23. <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-17-23>

При разговоре о фантастической литературе приходится решать проблемы не только терминологические, связанные с описанием и уточнением понятий, но и — возможно, в первую очередь — связанные с границами жанра в принципе. Эта проблема вытекает из самой специфики фантастического.

Что такое фантастическое? Идея Цветана Тодорова, высказанная им в монографии «Введение в фантастическую литературу», ставшей классическим исследованием в теории фантастического, о фантастическом как о границе между чудесным и необычным (с вариантами «фантастическое-чудесное» и «фантастическое-необычное») никем не оспаривалась благодаря своей универсальности. Но поскольку его теория, как известно, построена в основном на примерах из ранней фантастики, постоянно возникал и возникает вопрос конкретной применимости.

Понимание фантастической литературы как «литературы желания» (“desire”)¹ до определенной степени позволяет уточнить творческий метод автора-фантаста — через осмысление фантастического как сосредоточенного на читателе. Не только авторская, но и читательская интенция активно формирует фантастическую литературу, стоя, в том числе, у ее истоков. Исследователи феномена фантастического говорят, в первую очередь, о роли фигуры читателя. С одной стороны, очевидно, так и есть — и это бросается в глаза, в частности, когда фантастика оказывается «омассовлена» и поставлена на поток —

¹ См., например, книгу Р. Джексон [3].

с другой же стороны, возникает непростой вопрос об определении образа читателя (имплицитного читателя, если возвращаться к Ц. Тодорову) [2, с. 30]. В ряде жанров — и не только в детской фантастике, которая базово строится вокруг специфического образа читателя и его потребностей, как педагогических, так и психологических — благодаря воплощенным читательским ожиданиям, месту, отведенному для возможного включения читателя в текст, своеобразному договору между автором и читателем мы можем понять, относится ли произведение к фантастическому или чудесному; описана ли в нем фантастическая реальность благодаря авторскому замыслу, или при помощи фантастических образов произведение отражает актуальную реальность, определенные психологические проблемы и т. д.

Несомненно, для фантастической литературы играет свою роль и теория воображения, разработанная романтиками, в частности Кольриджем и Шелли. Литература романтизма, послужившая основой для фантастического, была ориентирована на определенный тип читателя, умеющего видеть так же, как автор. Естественным образом возникает вопрос: что именно видеть, какой художественный мир? Проблему убедительности вторичного мира в фантастической литературе одним из первых озвучил наследовавший романтикам Дж. Макдональд. Формирование вторичной реальности при этом может идти как от легендарных и фольклорных истоков, так и от истории и «предыстории» (доисторических событий), которые, в свою очередь, тоже приближаются к легенде. В связи с этим особенно интересна фантастика утопическая, связанная не с чудесным / сверхъестественным, как это свойственно определенной линии литературы, идущей от творчества романтиков до современных книг фэнтези, а с идеей жизнестроительства. Ряд произведений научной фантастики явственно отражает надежду на будущее воплощение того, о чем говорится; тут же проявляется еще одна граница — между фантастикой и социальной философией. Разумеется, эта же граница обнаруживается и в антиутопической литературе, однако с противоположным знаком. Проблема фантастического воображения напрямую связана с воплощением образа в других видах искусства — драматургии, кинематографии, живописи, книжной иллюстрации... Необычность содержания может послужить созданию особой «фантастической поэтики» — проявления границы между реальным и фантастическим на текстуальном уровне.

Заметим: многое из того, что можно сказать о фантастической литературе, относится и к литературе реалистической, а также к другим направлениям, не позиционирующим себя фантастическими.

Само по себе создание художественного произведения предполагает работу воображения. Однако при изучении фантастической литературы можно увидеть то, что в литературе других направлений оказывается скрыто: идею создания иной реальности, имеющей определенные правила и допущения; мотив утопии; образ волшебного, преображенного мира — преображенного мира нашей реальности. Вспомним хотя бы «Сон Обломова» И.А. Гончарова, фрагмент реалистического романа, или «Золотой век в кармане» Ф.М. Достоевского, который и вовсе — часть «Дневника писателя»; а в начале неоконченного романа «Записки клуба мнений» Дж.Р.Р. Толкин в беседе своих персонажей демонстрирует особую необходимость реалистичности, достоверности вымысла именно для фантастической литературы.

Как отмечают многие исследователи, отечественные и зарубежные, в изучении фантастической литературы отсутствует систематизированная терминология. Поскольку речь идет о направлении в литературе, которое развивается в настоящее время, в том числе со своего рода литературными экспериментами, поисками новых форм и идей, невольно возникает ситуация, когда уже устоявшиеся, казалось бы, термины и жанровые определения перестают соответствовать современному состоянию литературы, и это создает определенные препятствия для ее изучения. Даже сам предмет разговора не определен до конца, как метко отмечает Марко Престель в статье «Чудесный беспорядок: Введение в теорию фантастической детско-юношеской литературы и поэтику фэнтези» со ссылкой на исследователя фантастической литературы Уве Дурста, «царит “удручающая терминологическая неразбериха” <...> В итоге ключевые термины жанра (фантастическое, фантастика, фантастическая литература, а равно и фэнтези) зачастую употребляются не только по-разному, но отчасти и синонимично, или даже совершенно произвольно» [1, с. 73]. Это можно наблюдать и в статьях данного сборника: многие статьи начинаются с разговора о терминах, применяемых автором в конкретной статье, и тем заметнее отсутствие единой терминологической системы и необходимость ее обсуждать. Кроме этого, приходится соотносить «фантастическое» или «фантастику» в литературе со смежными терминами («вымысел», «чудесное», «воображение», «художественная условность» и т. д.). Во многих случаях встает вопрос о границах между различными поджанрами современной фантастической литературы.

Наконец, отдельную проблему представляет собой сам термин «фэнтези». Несмотря на стремительное развитие литературы фэнте-

зи, он остается не до конца определенным в полной мере ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении. Возникает и проблема адекватного перевода слова “fantasy”, поскольку ни устоявшееся в русском языке «фэнтези», ни «фантастическая литература/фантастика», ни «фантазия» не подходят однозначно. Как явствует из работ англоязычных исследователей, расширенное использование термина “fantasy” может требовать дополнительных уточнений. Так, в англоязычной традиции этим термином порой обозначается то, что отечественные литературоведы называли бы научной фантастикой или антиутопией; нередко термин “fantasy” применяется по отношению ко всей фантастической литературе в целом или объединяет в себе свойства разных направлений (так, например, выделяется пограничная форма “science fantasy”). В отечественной традиции по большей части принято разделение фантастической литературы на научную фантастику и фэнтези; этого разделения придерживаются такие известные исследователи, как Е.Н. Ковтун («Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа») и В.Л. Гопман («Золотая пыль. Фантастическое в английском романе. Последняя треть XIX–XX вв.»). Однако фэнтези, в свою очередь, может быть определено по-разному — как вся фантастическая литература, исключая только лишь научную фантастику, либо как определенный вид литературы с более или менее четкими признаками; причем эти признаки тоже, в свою очередь, могут не распространяться на все произведения фэнтези. Неоднозначным представляется и само обозначение литературы фэнтези в данном случае — возможны термины «жанр», «вид», «направление».

Возникают и более частные вопросы: например, необходимость разграничивать, создавая для этого адекватный язык описания, утопическую и антиутопическую литературу, с одной стороны, и научную фантастику с утопическими или антиутопическими элементами, с другой. В сфере детской литературы встает вопрос о разграничении фантастики и волшебной сказки, а также о границах фантастической детской литературы как особого направления — в первую очередь, исходя из ее содержания и предполагаемой аудитории. Отдельную область представляет собой литература с элементами мистического, причем здесь возникает проблема, актуальная для всей фантастической литературы: вопрос отношения автора к изображаемому может оказаться уже не вполне договором между автором и читателем, но подлинной верой, и это снова возвращает нас к проблеме реалистичности.

Фантастическое как творческий метод сосредоточено на читателе и мире, в котором он живет. Фантастика становится не только откликом на быстро меняющуюся реальность с ее новшествами, но и способом ее моделирования; формируется вторичная реальность, ориентированная на определенный тип читателя, готового принимать игру именно такого рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Престель М.* Чудесный беспорядок. Введение в фантастическую детско-юношескую литературу и теорию фэнтези // Вестник детской литературы. 2011. № 3. С. 70–97.
2. *Тодоров Ц.* Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
3. *Jackson R.* Fantasy: The Literature of Subversion. London; New York: Methuen, 1981. 211 p.

TO THE QUESTION OF THE THEORY OF FANTASTIC

© 2024. Anna L. Gumerova, Valentina S. Sergeeva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: While studying fantastic literature, we inevitably face terminological problems and the ones of the borders appearing both between different genres of the fantastic and (mainly) between realistic and fantastic literature, often between the realistic and fantastic inside the text. The problem of representation of these borders are in the poetics of the work. Terminological problems appear, in particular, because of the rapid development of the genre; for example, a separate problem is a term “fantasy” looking so familiar nowadays. We should, speaking about fantastic literature, speak of the role of a reader (implicit reader, citing Ts. Todorova) and of the specifics of the secondary reality shaping.

Keywords: fantastic, realism, genre, fantasy, reader.

Information about the authors:

Anna L. Gumerova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9795-0974>

E-mail: gratia4@yandex.ru

Valentina S. Sergeeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4693-7723>

E-mail: yogik84@mail.ru.

For citation: Gumerova, A.L., Sergeeva, V.S. “To the Question of the Theory of Fantastic.” *Codex manuscriptus*, issue 4. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 17–23. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/CM.2949-0510-2024-4-17-23>

REFERENCES

1. Prestel, M. “Chudesnyi besporiadok. Vvedenie v fantasticheskuiu detsko-iunosheskuiu literaturu i teoriiu fentazi” [“A Marvellous Mess. Introduction to Fantasy Children’s Literature and Fantasy Theory”]. *Vestnik detskoj literatury*, no. 3, 2011, pp. 70–97. (In Russ.)
2. Todorov, Ts. *Vvedenie v fantasticheskuiu literaturu* [Introduction into *Fantastic Literature*]. Moscow, Dom intellektual’noi knigi Publ., 1999. 144 p. (In Russ.)
3. Jackson, Rosemary. *Fantasy: The Literature of Subversion*. London, New York, Methuen, 1981. 211 p. (In English)